

«ЛЕГЕНДА О МОГИЛЕ ПРОКЛЯТОЙ ДОЧЕРИ»: ОТКУДА ЧТО ВЗЯЛОСЬ?

П.А. Корчагин,
Пермский научный центр УрО РАН

С конца XIX в. в Перми известна городская «легенда о проклятой дочери», связанная с чугунной могильной плитой своеобразной формы, находящейся на старом Егошихинском кладбище. Надгробие описывалось в художественных произведениях А.П. Гайдара, М.А. Осоргина, А.Д. Крашенинникова, многочисленных газетных публикациях. На надгробии Таисии Девеллий (1800–1807) изображена «адамова голова», вписанная в своеобразную раму – змею, кусающей себя за хвост. Неверное истолкование символов вечности и спасения как символов греха, смерти и опасности привело к появлению рассказов о пермском исправнике, проклявшем свою дочь и плод ее несчастной любви. Отец маленькой Таисии Александр Иванович Девеллий на самом деле был просвещенным пермским чиновником на рубеже XVIII–XIX вв., а дед Жан-Луи Девельи – известный французский художник на русской службе, стоявший у истоков Академии художеств. Надгробие Таисии Девеллий представляет собой оригинальное произведение русской мемориальной пластики в стилистике классицизма.

Ключевые слова: Пермь, Старое Егошихинское кладбище, семья Девеллий, надгробие, «проклятая дочь», городская мифология, мемориальное пластическое искусство.

«Роман этот возник из изучения забытой периодики и исторических документов, и в то же время он отчасти смелый плод досужего воображения бульварного писаки».

Из интернета

«Могила проклятой дочери» – одна из самых популярных городских легенд Перми – обычно проходит в интернете по разделу «Психология, мистика, эзотерика, непознанное», иногда даже просто

«ужасы» или «страшные рассказы». Но, однако, у нее существует и длительная литературная история, и не только литературная...

РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ИСТОРИЯ

«Немного городских баек. Перед нами, пожалуй, самая плодотворная по части слухов достопримечательность города – могила проклятой дочери».

Из интернета

Впервые достоянием широкой, но только пермской, общественности городскую легенду о проклятой дочери сделал Аркадий Петрович Гайдар в одноименном рассказе, опубликованном в номере местной газеты «Звезда» от 26 ноября 1926 г. Сразу стоит заметить, что изложенное стилистически и тематически выпадает из всего, что написал искренний певец революционной романтики. В 1926 г. была опубликована «Жизнь ни во что» (или «Лбовщина»), в 1927 г. Гайдар ненадолго переехал в Свердловск, где в газете «Уральский рабочий» вышла повесть «Лесные братья» (иначе «Давыдовщина»): обе повести посвящены событиям, имевшим место в Пермской губернии сразу после первой русской революции. «Проклятая дочь» была написана Аркадием Гайдаром в последние месяцы его пребывания в Перми и, может быть, ему было просто жаль оставлять втуне интересный пермский сюжет.

«Есть за городом возле оврага, возле маленькой речки Ягошихи, старое кладбище. Там, посередине, возле белой пустой церкви, торчат памятники над могилами умерших купцов, почетных граждан, убитых и просто мирно скончавшихся полковников и прочих знатных и видных горожан. Но чем дальше забираешься вглубь к краям кладбища, тем гуще и беспорядочней выбивается дикий кустарник, тем меньше мраморных плит и железных решеток...

Возле церкви, наклонившись за тем, чтобы сорвать желтый цветок одуванчика, я остановился и отдернул протянутую руку – внизу лежала чугунная змея. И если бы здесь ползла настоящая кобра, то и это, вероятно, не так бы поразило меня, как то, что я увидел перед собою.

Втиснутая краями вровень с землей, лежала в траве заржавленная чугунная

плита; и шершавая, грубо высеченная змея, мертвым кольцом охватывая плиту, кусала себя за хвост, а с плиты глядели вверх провалы круглых глаз, треугольного носа и оскаленные зубы страшной рожи. Я содрогнулся. Я не мог понять: над кем это на христианском кладбище мог быть поставлен такой издевающийся, странный памятник? С трудом разобрал полустертые буквы:

“1812 год. Анастасия, – проклятая дочь Пермского исправника”.

Долго не мог я оторвать глаз от мрачной могилы, запечатанной чугуном отцовского проклятья, и не заметил, как подошел ко мне какой-то человек и спросил, присаживаясь рядом:

– Смотрите? Да, этот памятник всех поражает, он слишком тяжел и мрачен. От него веет диким средневековьем. Я не знаю, как было дело, но, говорят, что дочь исправника полюбила кого-то и у ней, у невенчанной, родился ребенок. Тогда отец проклял ее, и она умерла с горя.

Я спросил:

– Но почему же ее не похоронили где-нибудь с краю, а здесь на почетном месте, возле самого входа в церковь?

– Именно не на почетном. Затем, чтобы после смерти ее топтали ногами идущие молиться христиане.

Человек ушел скоро, я же долго еще сидел и думал:

«У ней, у невенчанной, родился ребенок. Ее заклеями проклятьем при жизни, и после смерти ее должны были топтать до тех пор, пока не сотрется чугун 15-пудовой плиты.

Почему же плита заржавела? По-видимому, ни у кого не хватает смелости вытирать ноги о страшное лицо еще не стершейся плиты. Не потому ли, что, прежде чем успел стереться надмогильный чугун, многое стерлось и смелось навеки проле-

тевшими ураганами последнего десятилетия?»[7].

А.П. Гайдар весьма точно описал место расположения могилы проклятой дочери – «возле белой пустой церкви» на «старом» Егошихинском кладбище. Пустая церковь – это закрытая в 1920-е гг. кладбищенская церковь во имя Успенья Божией Матери, заложенная 25 июня 1900 г. [51, с. 2]. Также точно автор описал и надгробную плиту, за исключением одной детали: у «страшной рожи» нет зубов, рот изображен узкой прорезью в чугуне.

Надпись на оригинальном надгробии, выполненная отнюдь не «полустертыми буквами», ясно читается, поэтому понятно, что Аркадий Петрович несколько переосмыслил текст, видимо, для оправдания сюжета. В его изложении героиня легенды – взрослая девушка, у которой «невенчанной, родился ребенок». Судьба младенца, пол которого не называется, остается неизвестной. Забегая вперед, заметим, что только у Гайдара встречается мотив попиранья прохожими надгробной плиты. Ни у одного из более поздних авторов о такой посмертной мести опозоренного исправника не говорится.

Несколько позже и не в Советском Союзе появилось еще одно произведение, в котором могила проклятой дочери служила уже не основой сюжета, но лишь любопытной деталью. Воспоминания М.А. Осоргина о юности, проведенной в Перми, увидели свет в 1938 г. в эмигрантской газете «Русские записки». Правда, в первой публикации эпизода на кладбище не было, он появился только в издании 1942 г. в «Новом журнале» и был повторен в отдельном парижском издании 1955 г. На родине автора его мемуары появились значительно позже.

Михаил Андреевич излагал эпизод своей юности следующим образом: «...В воскресенье мы идем на кладбище – сейчас же за городской заставой, среди хвойного леса. В дальнем его конце кладбищенский сторож одиноко ковыряет землю для новой могилы. Его зовут Трофим, и он не циник, как те могильщики, а набожный и

добрый старик. Мы молча наблюдаем за его работой, ожидая, что вот-вот его лопата выбросит череп: “Бедный Йорик!” Каждому из нас хочется первым сказать эти слова, но черепа все нет. Володя говорит: “Мне нравится в Шекспире, что у него все герои высокого роста, то есть не прямо, а вы понимаете, представляются такими великанами”. Мы с Володей на “вы”, а на “ты” я только с Андреем и Митей. Я говорю: “Шекспир чувствует страсть и замечательно изображает, а вот доброты в нем нет никакой”. Могильщик Трофим говорит: “Вы, баричи, все тут бродите и смотрите, а видали вы змею на плите?” – “Какую змею?” – “Есть старая плита, ей годов сто ли, двести ли, на плите змея кольцом и много написано. Я, конечно, неграмотный, а люди говорят, что отец проклял дочь и про все ее дела написал. Вот какой был человек, непримиряющий!” Мы ищем и находим плиту. Она бронзовая и наполовину протравлена зеленью. Змея закусилась своим хвостом, и в круге написано церковнославянскими буквами. Поскольку мы способны разобрать, ни о каком проклятии дочери не говорится, и похоронен тут бригадир. Года разобрать не удастся, длинная надпись туманна, слова необычны и много выгравированных знаков: лестница, треугольник, слитые в пожатии руки, череп и кости, пятиконечная звезда. Плита наклонна, так как один ее край приподнят выросшим рядом с нею кедром, корни которого внедрились и под плиту» [39, с. 55].

Не исключено, что мальчики нашли не ту могилу. Свернувшаяся в кольцо змея, образ на грани XVIII–XIX вв. отнюдь не уникальный в российской монументально-декоративной пластике [см., хотя бы, 18, рис. 45]. Якобы масонские символы, перечисленные М.А. Осоргиным, это, на самом деле, так называемые орудия страстей Христовых: лестница использовалась для снятия мертвого тела с креста; молоток, которым ладони Спасителя пригвождались к кресту; руки, бичевавшие Иисуса или давшие деньги Иуде... А череп и кости – это «адамова голова», ведь по легенде именно на Голгофе была мо-

гила первочеловека Адама, и кровь Христова, пролившись на землю, смыла его первородный грех. Все эти предметы часто изображались вместе с Честным и Животворящим Древом или Крестом Господним – восьмиконечным крестом, на котором был распят Иисус – на поверхности надгробий (каменных гробниц или прямоугольных чугунных плит). Распространен этот сюжет и в медной культовой пластике.

Хотя возможно, что могила была все же та («в круге написано церковнославянскими буквами»), а никогда не существовавшие детали надгробия всего лишь абберация памяти взрослого, излагающего события почти полвека спустя. Собственно легенду М.А. Осоргин даже не пересказывает, он услышал всего лишь, «что отец проклял дочь и про все ее дела написал». Для нас же важно то, что мы можем на основании его воспоминаний определить дату ее первой фиксации. Михаил Андреевич описывает себя как юного гимназиста шестого класса. Известно, что в российские гимназии принимали с 8 лет, и тогда Миша (уроженец 1878 г.) в 6-м классе обучался в 1892 г.

В 1969 г. в журнале «Наука и религия» под рубрикой «Наши публикации» был перепечатан очерк А.П. Гайдара «Проклятая дочь» [8]. Публикация, кстати, сопровождалась весьма выразительной иллюстрацией – змея в агрессивной позе нависла над одуванчиком – ничего общего с изображением с чугунной плиты. Видимо, именно по следам этой публикации журналист Юрий Липатников опубликовал небольшую, но емкую заметку в «Вечерней Перми»:

«Прежде всего, что из себя представляет памятник. Это правильной формы диск. И только этим уже заинтересовывает необычная могильная плита. Диаметр диска – один метр. Понятно с первого взгляда, что это человеческое лицо. Есть круглые отверстия – глаза. Нос и рот обозначены отверстиями. А вокруг лица – могучая змея.

Круглая плита было положена на

кладбище так, чтобы по ней ходили люди... Такое мнение распространено, и так оно и было, во всяком случае, до начала прошлого века...

Но на плите по кругу написано (по церковнославянски): «Пермского исправника (следующее слово прочитать не удалось без специалистов. – Ю.Л.) дочь Таисия от роду 6 лет двух месяцев скончалась января 24 дня 1807 года».

Странно, что в двадцатые годы, когда Гайдар заинтересовался плитой, существовала легенда о проклятии такового вот рода: пермский исправник проклял взрослую дочь, родившую дитя вне брака. Но плиту-то положили на могилу ребенка?..

Догадки с точки зрения современного человека возникают нелепые. Исправник так вот проклял свою малолетнюю дочь? Но за что проклято дитя? Почему все-таки на могилу ребенка положена символическая плита, как будто бы ясно запечатлевшая чей-то ожесточенный гнев на вероломного человека? Гнев на взрослого человека? Тут и змея, к тому же, змея эта обрамляет человеческое лицо...

Словом, догадки теснятся в голове, мало что проясняя. Еще одна – не масонский ли это знак? Тогда в Перми в начале XIX века была масонская ложа?..

Интересно было бы найти документальные следы истории столь необычно отразившейся в мемориальном чугунном литье.

Надгробная плита Таисии Девелий. ПКМ

Сейчас плита хранится в областном краеведческом музее» [26].

Отдадим должное Ю. Липатникову, который первым точно описал внешний вид, форму и размеры надгробной плиты, первым правильно (хотя и неполно) прочел надпись, выполненную трудночитаемым шрифтом с выносными знаками. И, кстати, приложил к статье собственноручное фото. Но самое главное, он первым усомнился в правдивости легенды о проклятии исправника, о чем свидетельствует знак вопроса в заголовке статьи «Памятник-гнев?». Поскольку мы можем быть уверены, что Ю. Липатников не был знаком с парижским изданием «Времен» М.И. Осоргина, то должны согласиться с тем, что предположение о масонском следе он высказал тоже самостоятельно. Автора можно упрекнуть только в некоторой хронологической путанице: «Круглая плита было положена на кладбище так, чтобы по ней ходили люди... Такое мнение распространено, и так оно и было, во всяком случае, до начала прошлого века...». Ведь прошлым веком в 1969 году было XIX столетие, поэтому период «до начала прошлого века» – это до 1807 г., т.е. еще до похорон Таисии Девеллий.

Неизвестно, повлияли публикации в «Науке и жизни» и «Вечерней Перми» на пермского писателя А.Д. Крашенинникова [23] (вероятнее всего, нет), но в том же 1969 г. вышел его роман «Затишье» о пермской и мотовилихинской жизни в пореформенную эпоху, в котором он использовал сюжет о проклятой могиле¹:

«– Что это, Константин Петрович, смотрите! – прошептала Наденька, отступив.

Перед ними была чугунная плита, перемазанная грязью, забитая листьями. Костя прутом расчистил ее, медленно прочитал.

– Господи, как жестоко, как жестоко, – повторяла Наденька. – За что, за что похоронили так, под ноги...

– Капитоныч, наверное, поможет,

здешний сторож. Чудесный старик...

Все лето не был Костя у Капитоныча и даже чуть разволновался теперь: совсем забыл старого бомбардира. И вот опять этот хриловатый голос, эти желтые над губою усы...

– Чем могу, сударыня? – А сам глазом незаметно подмигнул Косте...

– Расскажи нам о чугунной плите, – попросил Бочаров, когда бомбардир выколотил о деревяшку трубку и зарядил ее табаком.

Капитоныч обрадованно прокашлялся, помолчал для фасону, не выдержал:

– И чего рассказывать-то?.. Всякое говорят. Пых-пых, пых... И непристойное масонство и фокусы-мокусы. Только наипаче всего, пых-пых, про то, будто любила она бедного чиновника пуще жизни. Это дочь-то исправника! Да-а, а отец ее ни в какую. Вот так-то, пых-пых, одной темной ветровой ночью вздумали они с чиновником бежать. Грех у них, извиняюсь, до этого произошел, забрюхатела она. Так и это отца не проняло. И вздумали они бежать. Чиновник дружку своему помощи ради открылся. Тот – к исправнику: так, мол, и так. Ну, ночью-то и взяли беглянку за крылушки. Заточили в подвал. Там она, бедолага, и померла. А чиновник, само собой, застрелился. Да вранье, должно быть, это, – спохватился бомбардир, заметив помертвевшее лицо девушки» [24, с. 91].

В тексте А.Д. Крашенинникова впервые появляются детали легенды: попытка побега дочери исправника с возлюбленным «ветровой ночью», заточение ее в подвале и смерть (правда, не уточнено – до родов или после), застрелившийся с горя «бедный чиновник», предательство его друга. Хронологически рассказ «бомбардира» Капитоныча привязан к 60-м гг. XIX в., однако, поскольку перед нами не мемуары, а беллетристическое произведение, не стоит относиться к этой информации с доверием.

¹ Нужно заметить, что во втором (московском и изрядно сокращенном) издании романа 1981 г. эпизода на Егошихинском кладбище нет.

«ГОТИЧЕСКИЙ» СЮЖЕТ

«В общих чертах: дочь какого-то там пермского исправника вопреки воле родителей влюбилась в солдата и родила от него... Дальше то ли они все разом поумирали от таких кровосмесительных мракобесий, то ли по очереди, но суть одна – все сделали прокляты, мертвы и похоронены вот в этом месте.

Теперь тут всякую нечисть вечно выискивают и рассказывают слухи о том, как надгробие по городу гуляет... Мы чего-то поежились и решили пойти отсюда куда-нибудь подальше».

Из интернета

Параллельно с литературной историей надгробия проклятой дочери развивалась и линия, которую условно можно назвать «готической». Вместо развернутой характеристики такого рода литературы, чрезвычайно популярной в конце XVIII–XIX в., позволим себе привести характеристику одного из самых выдающихся произведений данного стиля.

«Иной характер приобретает готический роман в творчестве Мэтью Грегори Льюиса (1775–1818), автора «Монаха» (1795–1796). В этом сочинении, отмеченном уже явными признаками эпигона, Льюис стремится прежде всего к сенсационному нагромождению сверхъестественных ужасов, отталкивающих преступлений (от кровосмешения до матереубийства), проявлений патологической, садистской, извращенной эротики. Мир Льюиса – смятенный, хаотический мир, где люди одержимы роковыми, необузданными страстями; сатанинское наваждение – главный двигатель зловещей истории монаха Амбросио, который, поддавшись дьявольскому искушению, отпадает от церкви, поклоняется Сатане, совершает с его помощью чудовищные злодеяния.

В романе есть отдельные сцены, навеянные, может быть, недавними событиями Великой французской революции, как, например, та, где возмущенный народ, узнав о преступлениях, свершающихся за монастырскими стенами, громит монастырь, чтобы спасти несчастную узницу – юную монахиню, обреченную на смерть вместе с ее новорожденным младенцем» [19, с. 81].

Так вот, полный набор подобных ужасов, преступлений и злодеяний был собран в гулявшей в начале XIX в. по Перми рукописи неизвестного автора «Тайна одной могилы». Не станем пересказывать сюжет, желающие могут ознакомиться с этим «произведением» в Пермском краеведческом музее, куда машинописную копию передала М.И. Мухачева (Баландина) [39]. Казалось бы, анонимный опус должен был кануть в лету, однако в интернете появилась рукопись (1997) В.А. Широкова (заметим, весьма недурного писателя и поэта, кстати, уроженца Перми [46]) «Три могилы – в одной», имеющая подзаголовок «готический роман». Автор не скрывал, что вдохновился текстом, который «сшит на скорую нитку безымянным автором; случайно выловлен в самиздате», который «недавно обработан писателем, хранившем свою находку двадцать восемь лет, пока мистическим образом ему, грешному, во сне не явилась настоятельная просьба достать из-под спуда косноязычную машинопись и в соавторстве с инкогнито явить уцелевшие фрагменты своим современникам».

Автор упоминает интересующий нас памятник только в разделе «От автора»: «В городе П. на одном из заброшенных кладбищ есть, сказывают, могила, на которой до сих пор сохранилась вросшая в землю чугунная плита. На плите этой по ее окружности отлита змея, кусающая собственный хвост (уроборос), и имеется надпись, которая основательно стерлась от времени и на первый взгляд совершенно непригодна для прочтения.

Спрашивается: кто и зачем отлил эту змею? Что обозначает или на что намекает этот широкоизвестный символ любовной страсти и эскулапского исцеления? И если наше пробудившееся неожиданно любопытство вдруг захочет доискаться ответа, то будьте уверены, что при горячем и неустанном желании обязательно найдутся подходящие люди, знатоки и собиратели устных преданий, которые смогут поведать кое-что и об истории этого загадочного надгробья».

Однако в собственно тексте описывается совсем другое надгробие: «Обратил я внимание и на чугунную плиту, покоившуюся на красивой мраморной выкладке. Она была массивна и проста. Обордюрованная рамкой, она несла на себе следующее барельефное изображение: в вершине был расположен терновый венец, внутри которого виднелся крест, а на кресте лежала роза с одним бутонем; под венцом была странная надпись: “Здесь покоятся двое: муж с женой, брат с сестрой и отец с дочерью”».

Судить об исторической достоверности реалий, описанных в романе, можно

уже по начальным строкам первой главы: «В один из жарких июльских дней 1880-х годов... На последней почтовой станции мне подали старовоз, запряженный парой чахлах (не чалых!) лошадей. На облучок сел низкорослый сухой старикашка в заплатанной пестрой рубаше, в выцветшей кацавейке ...». Получается, в летнюю жару на облучок несуществующего транспортного средства на конной тяге под названием «старовоз» садится не ямщик в синей форменной одежде и шляпе, а старик в кацавейке, которая, как известно, на самом деле есть «русская женская народная одежда в виде распашной короткой кофты, подбитой или отороченной мехом». Кроме того, важно прояснить одно обстоятельство: автор на момент создания текста не видел своими глазами плиты, которая была перенесена в краеведческий музей.

Если бы речь шла о литературных достоинствах этих псевдоготических произведений, то не стоило бы и вовсе уделять им внимания, но для нашего повествования они важны, поскольку послужили основой для многих позднейших домыслов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОКЛЯТОЙ ДОЧЕРИ

«Конечно, для полнокровного сюжета романа, да еще готического, это всего лишь крупица, но если замысел покажется вам небесплодным, то дав волю чувствам и простор воображению, вы через двадцать восемь лет сумеете на основе этих данных не только сварганить газетную заметку для "Вечерней Перми", но и сочинить роман или повесть времен стародавних или более близкорасположенных».

Несложно заметить, что всплески интереса к загадочному надгробью возникали периодически и связаны с публикацией литературных произведений, в которых хотя бы мельком поминалась история проклятой дочери. Так было в 1927 г. после появления рассказа А.П. Гайдара. В 1969 г. после его переиздания в журнале «Наука и религия» на легенду обратили внимание Ю. Липатников и А. Крашенинников. «Времена» М.А. Осоргина были впервые

опубликованы в СССР в первых четырех номерах журнала «Уральский следопыт» за 1989 г. [Эпизод на кладбище см.: 50, с. 17–18], и в этом же году издательство «Современник» выпустило отдельное издание романа [35] сразу же тиражом 100 000 экз. В 1992 г. роман вышел вторично в Свердловске [36], но в поле зрения пермского читателя попал не сразу, поскольку в пермское издание «Мемуарная проза», вышедшем в серии «Литера-

турные памятники Прикамья» также в 1992 г. [37], роман, увы, включен не был.

Однако бум публичного (не литературного) интереса начался все же с началом нового века. Не исключено, что некоторое запаздывание обусловлено тем, что в это время могильной плиты на Егошихинском кладбище не было, она, по сведениям Ю. Липатникова, еще в середине XX в. была перенесена в Пермский краеведческий музей.

Видимо, первым, кто обратил внимание не столько на легенду, сколько на могильную плиту, был В.Ф. Гладышев. Он в публикации 2000 г. поместил рисунок плиты, но не показал место ее расположения на плане кладбища [11, с. 25, рис. 11], поскольку та еще находилась в фондах ПКМ. А в брошюре 2005 г. «Пермский Некрополь: знаки памяти в мемориальной пластике» В.Ф. Гладышев обратился к ней еще раз: «Самым знаменитым памятником из чугуна (а не бронзы, как написал в своем эссе М. Осоргин) является, пожалуй, надгробие Таисии Девеллий (прожившей всего 6 лет, скончалась в 1807 г.), в народе сей памятник с изображением змеи, кусающей себя за хвост, повелось называть надгробием «проклятой дочери». Круглая плита сделана не без остроумия и с грубоватой уральской изящностью: маска, прорезанная в металле, и все это – в кольце змеи. Впрочем, должны разочаровать любителей легенд: самые популярные версии, толкования символики загадочного диска идут от бульварного романа, изданного безымянным(!) автором в начале XX века. Масонская версия (существует и такая) «запущена» Михаилом Осоргиным. На самом деле памятник представляет собой вариант «личины», повторенной и в каменных надгробиях по соседству со «змеей». Что касается самой змеи, то историки толкуют ее как символ вечности и... вечной борьбы человека с грехами, со многими искушениями (сейчас надгробие возвращено на свое историческое место, у южной стены Успенской церкви)» [12, с. 15–16]. Таким образом, надгробие было воз-

вращено на кладбище, стало доступно для всеобщего обозрения и началось...

Автор статьи в «Комсомолке» Екатерина Подвинцева в 2007 г. под интригующим подзаголовком «По ночам пермяки встречают на старинном погосте призраков и слышат плач проклятого ребенка» кратко изложила сразу три версии городской легенды: «По одной из версий, она была внебрачной дочерью исправника Александра Девеллия. После смерти матери ее приняли в семью отца. Но мачеха люто возненавидела Таисию и после смерти прокляла ее. Поэтому и заказала такое страшное надгробие.

Второй вариант истории говорит, что когда-то дочь исправника сбежала с солдатом. Вскоре у них появилось дитя, а потом женщина была вынуждена вернуться к отцу. Старик так и не принял «незаконную» внучку. И когда девчушка умерла, проклял ее.

По третьей версии, любимая жена приказчика (?!? – П.К.) умерла во время родов. Девочка получила имя матери. Но она постоянно напоминала исправнику о гибели жены, и за это он невлюбил кроху. К тому же дочка была не его: мужчина простил супруге измену, но не смог принять незаконнорожденную дочь. Поэтому после гибели Таи ее могила оказалась за оградой церкви – прямо на дороге, ведущей к кладбищу. Чтобы пришедшие помянуть близких, топтали ее ногами. А неприкаянная душа девочки, по легенде, с тех пор плачет по ночам» [40].

В апреле 2009 г. в газете «Пермские новости» появилась статья Егора Баженова «"Проклятая" могила». «В самом сердце Егошихинского некрополя, возле ограды храма Успения Божией Матери, есть странное надгробие, которое пермяки прозвали «могилой проклятой дочери». На краю аллеи вровень с землей лежит круглая чугунная плита в виде жуткой маски с пустыми прорезями-глазницами, очень напоминающая крышку канализационного люка.

По краю чугунной плиты изображена змея, которая кусает свой хвост, образо-

вав тем самым замкнутый круг – знак вечности. И всю эту композицию венчает надпись «Пермского исправника Девеллия дочь Таисия от роду 6 лет 11 месяцев скончалась в январе 1807 года». Никакого упоминания о проклятии нет, но необычный вид надгробия не оставляет сомнений – дело здесь нечисто. Существует несколько легенд о зловещем проклятии этой могилы. По одной из них, похороненная девочка – «невинный плод грешной любви». Якобы в семье исправника образовался любовный треугольник, и отвергнутая женщина наложила проклятие на ребенка разлучницы: «Пусть же змея подавится своим грехом!» Согласно другой легенде девочка забеременела от брата, за что и была проклята отцом. При родах она умерла, и плиту специально положили на тропинку, чтобы идущие в церковь православные могли топтать могилу ногами. Мол, когда сотрется изображение проглатывающей себя змеи, тогда и проклятие спадет.

Среди легенд о могиле Таисии Девеллий есть совершенно немыслимые, по сюжету и интриге напоминающие мексиканские сериалы. Наиболее живучим оказалось поверие, будто под чугунной змеей покоятся двое, которые являются друг другу одновременно мужем и женой, братом и сестрой, отцом и дочерью. Скорее всего, основой для возникновения этой легенды послужил популярный сто лет назад бульварный роман «Тайна одной могилы», действие которого происходит в Перми. В нем подробно расписали подробные хитросплетения судьбы.

А однажды плита со змеей исчезла с кладбища в неизвестном направлении. Этот факт породил в умах пермяков новые слухи и домыслы, вот только мистики никакой не оказалось. В то время судьба старинного некрополя висела на волоске: по задумке городских властей, он должен был совсем исчезнуть с карты города. И тогда сотрудники областного краеведческого музея решили изъять «чертов колодец» с кладбища, чем, возможно, и спасли реликвию. Долгое время она валя-

лась на музейных задворках, а затем была включена в экспозицию чугунного литья на диораме. Там она и находится сейчас. А для Егошихинского кладбища рабочие мотовозоремонтного завода изготовили дубликат оригинального памятника.

Но вернемся к легендам о Таисии. В разное время о загадочной могиле писали Авенир Крашенинников, Юрий Липатников, Леонид Юзефович. В рассказе Аркадия Гайдара «Проклятая дочь» услышанная и описанная им легенда выглядит весьма правдоподобно. Вот только Аркадий Петрович несколько исказил факты, изменив дату смерти и имя на надгробии, а также не указав истинный возраст девочки. Очевидно, он сделал это намеренно, понимая, что услышанная легенда несостоятельна. Проще было несколько усовершенствовать сюжет, что Гайдар и сделал, «наградив» героиню незаконнорожденной дочерью.

Многие пермские историки и краеведы пытались раскрыть тайну старой могилы. Одни связывали исправника Девеллия с масонами, указывая на использовавшиеся в оформлении надгробия масонские символы, другие искали по архивным документам и метрическим книгам упоминания о представителях этой фамилии, пытаясь научным путем докопаться до истины. Например, в некоторых описаниях упоминалось, что мать девочки, тоже Таисия, умерла при родах. Так вот, было установлено, что на самом деле старшая Таисия умерла в 1835 г., на 55-м году жизни. Глава же семейства – пермский земской исправник Александр Иванович Девеллий – также дожил до 76 лет. Любопытно, что Девеллии – потомки художника Жана де Велье, приехавшего из Франции в Россию.

Наиболее достоверной мне представляется гипотеза, что не название могилы породило легенды, а именно легенды наградили необычное захоронение жутким названием – «могила проклятой дочери». Что малышка Таисия вовсе не была проклята. Что змея, заключенная в кольцо, – это очень популярный у многих народов

символ вечности. Просто мрачный вид надгробия пробудил у местных жителей воображение, и могила стала обрастать легендами. Легенды же передавались из уст в уста, видоизменялись и жили уже самостоятельно. Как не вспомнить здесь и про столь любимые на Руси детские страшилки. Неумная детская фантазия что угодно могла придумать о «страшной» могиле на Егошихинском кладбище.

Взгляните еще раз на фотографию. И, может быть, эти пустые глазницы уже не покажутся вам столь зловещими» [4].

Заметка Е. Баженова, пожалуй, самая взвешенная и аргументированная из всех публикаций, посвященных легендарному надгробию. Автор лишь зря помянул Л.А. Юзефовича, ни в его очень точной с точки зрения исторических реалий повести «Клуб “Эсперо”» [52] (1983), ни в доработанном из повести романе «Казароза» (2002) [53] упоминаний о легендарной могиле нет. Есть лишь единственное описание «старого» кладбища: «Старое городское кладбище, за последние два года разросшееся так, как, пожалуй, за предыдущие десять лет, раскину-

лось на окраине, над логом, отделявшим центральную часть города от заводской слободы. Могилы давно выбрались из-под сени лип и двумя неравными крыльями сползали по склону, обтекая четко очерченные прямоугольники иноверческих кладбищ. Он миновал еврейское кладбище, затем татарское с его каменными чалмами на каменных же столбиках, с фанерными и жестяными полумесяцами, с позеленевшей арабской вязью на плитах, и мимо аккуратных лютеранских надгробий вышел к логу. Почва здесь была глинистая, скользкая после ночного дождя, могилы располагались в беспорядке, кресты покосились и почернели, хотя стояли недавно».

Сюжет о могиле проклятой дочери вошел также в книжку Татьяны Калистратовой «Темная сторона России» (2012), имеющей подзаголовок: «Настоящий путеводитель по необычным и загадочным местам России: самый полный сборник российских легенд!» [20]. Увы, автор не порадовала читателей ничем новеньким, добросовестно, но путанно пересказав основные сюжеты.

СЕМЕЙСТВО ДЕВЕЛЛИЙ

«СЕМЕЙСТВО ср. семья ж. вообще: совокупность близких родственников, живущих вместе; в тесн. знач. родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие, составляют уже иную семью».

В.И. Даль

Дети

О дочери пермского исправника, как главной героине, покоящейся под чугунной плитой, известно крайне мало. В «Пермском некрополе» В.В. Голубцова упоминается «ДЕВЕЛЛИЙ Таисия, дочь Пермского исправника, скон. 24 ноября 1807 года, 6 лет» [13, с. 53]. Стоит заметить, что автор неточно списал дату смерти девочки, которая умерла много раньше – не в ноябре, а в январе, что указано на самом надгробии. Ровесница XIX века, бывшая в понятиях этого столетия «невинным младенцем», просто не успела оставить никаких следов в архивных докумен-

тах, которые являются по большей части плодами деятельности бухгалтерии и отдела кадров или их исторических аналогов.

Однако кое-что все же можно выяснить дополнительно. Во-первых, известно ее отчество – Александровна, а во-вторых – возможно вычислить приблизительно дату рождения девочки, хотя на плите она не указана. Нам известна точная дата смерти (24 января 1807 г.) и возраст, которого все же достигла маленькая Таисия, правда, весьма округленный: «от роду 6 лет и 11 месяцев». Необходимое вычитание указывает на октябрь 1800 г., причем очень удачно именно на 8 октяб-

ря по ст.ст. (21 октября по нов.ст.) падает память преподобной Таисии Египетской Фиваидской [41, с. 155]. То есть Таисия Девеллий 8 октября праздновала именины, а родилась она где-то в первой половине октября. Это следует из народного правила («девки-поползухи») выбора в святцах женских имен: за неделю до и неделю после дня рождения.

Был у Таисии младший брат. С соседнего надгробия В.В. Голубцов списал: «ДЕВЕЛЛИЙ Павел Александрович, скон. 11 мая 1878 года» [13, с. 53–54]. Автор примечаний к его книге Л.С. Рафиенко существенно дополняет автора: «Девеллий Павел Александрович (1803–1878) – статский советник, советник ревизского отделения Пермской казенной палаты ... скрипач-любитель, активный участник литературно-музыкальных вечеров в Перми в 1860е гг.» [13, с. 131–132]. Действительно, в 1863 г. «Советник Ревизского Отделения, Статский Советник Павел Александрович *де-Веллий*» служил в Пермской казенной палате [38, с. 17]. У Павла Александровича были и свои дети, которые, увы, долго не прожили:

«ДЕВЕЛЛИЙ Николай Павлович, р. 6 апреля 1846 года, скон. 6 апреля 1852 года.

ДЕВЕЛЛИЙ Надежда Павловна, р. 11 марта 1848 года, скон. 9 декабря 1866 года» [13, с. 53–54].

Старший Николай дожил только до шести лет, на восемнадцатом году из жизни ушла Надежда. Отец пережил детей, и скорее всего, именно после его смерти в 1878 г. семейные могилки и стали приходить в упадок.

Родители

Исправник из городской легенды на плите по имени не назван, но в Государственном архиве Пермского края отыскать следы полицейского чиновника с иностранной фамилией оказалось не слишком сложно. Александр Иванович Девеллий начал службу в 1785 г. в лейб-гвардии Преображенском полку, откуда

вышел в отставку в чине капитана. А уже 24 сентября 1790 г. был назначен в Пермь стряпчим гражданских дел в Верхний земский суд. В 1796 г. повышен до заседателя, а после введения Павлом I новых губернских штатов 31 декабря 1796 г. был переведен в Нижний Земский суд, где в 1802 г. стал исправником, получив чин коллежского асессора. В 1804 г. он уже записан комиссаром² Нижнего земского суда; а в 1806 г. стал надворным советником [29, с. 408–409; 30, с. 442].

На момент смерти дочери Александр Иванович был капитан-исправником, то есть председателем уездного административно-полицейского органа под названием Нижний земский суд, обеспечивающего общественный порядок в уезде, сбор податей и сборов с крестьян, проведение предварительного следствия по уголовным делам, исполнение распоряжений губернских властей и дворянской опеки [27, с. 224–334]. Уездный исправник соответствовал чину надворного советника (7 класс), полицмейстер крупного города мог быть коллежским советником (6 класс), что приравнивалось к чину полковника [27, с. 228].

В 1808–810 гг. А.И. Девеллий служил советником в Пермской казенной палате, а в 1811 г. перешел в Палату уголовного суда, которую после 1817 г. возглавил, заняв должность председателя. В Уголовной палате Александр Иванович получил чин коллежского советника (после 1817 г.), орден св. Владимира 4 степени (1820) и именной знак отличия за 35 лет беспорочной службы. В 1825 г. он возглавил Пермскую уголовную палату, оставаясь ее бессменным председателем на протяжении 13 лет.

Александр Иванович ревностно относился к службе и не оставлял ее до последних дней жизни. 29 марта 1838 г. губернский прокурор Андрей Иконников писал министру юстиции: «Рапортами от 9го и 11го Марта (№816 и 867) имел я честь до-

² Комиссар, земский комиссар – устаревшее, но существовавшее параллельно название должности исправника, иногда писали: комиссар-исправник.

нести Вашему Высокопревосходительству первым о продолжительном небытии в присутствии Уголовной Палаты Председателя де Веллия по болезни, и вторым о том, что он выехал и вступил в должность, получив в болезни облегчение.

22го Марта записано в журнал Уголовной Палаты, что Г. де Веллий снова заболел, и о том знали, что он по усилившимся припадкам не только присутствовать, но и участвовать в подписи протоколов не может.

В 23ий день сего месяца Г. председатель де Веллий помер» [10, Л. 1].

О матери малышки Таисии нам известно немного, лишь то, что В.В. Голубцов списал с ее могильного памятника: «ДЕВЕЛЛИЙ Таисия Ивановна, скон. 22 апреля 1835 года на 55 году» [13, с. 52–53], из чего мы можем понять, что А.И. Девеллий был старше супруги на 17 лет, а дочь она родила, когда ей исполнилось 20.

Дедушка

Дедушкой Таисии и отцом Александра Ивановича Девеллия был Жан Луи Девельи (Velly, Jean-Louisde). Его имя писалось различно: Иван Людвиг, Девелли, Де Велли, Девеллий, Де Вейлли, Девейи. Родился во Франции в 1730 г., умер в 1804 или в 1809 г. на родине. Он был хорошо известен не только в Перми, но и в столицах. По сведениям автора словаря русских художников Э.Г. Коновалова: «... Работал в России с 1754 по 1799 г. Автор портретов русских деятелей и вельмож. Стоял у истоков создания Академии художеств, организовав класс рисования с гипсов, а затем натурный класс. Исполнил рисунки на темы древнерусской истории. Его работы имеются в Государственном Эрмитаже, Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее» [22, с. 95]. Еще до официального открытия Императорской Академии художеств гр. И.И. Шувалов привлек его и к преподаванию ученикам, содержавшимся в доме графа, а затем пригласил работать в «особую трех

знатнейших художеств академию» [3]. В 1759 г. по инициативе Ж.-Л. Девельи и скульптора Н. Жилле в Академии был организован класс рисования с гипсов, а в следующем году открылся натурный класс. Среди учеников Ж.-Л. Девельи были архитекторы В. Баженов и И. Старов, живописец А. Лосенко, граверы Н. Колпаков и И. Мерцалов [21, с. 16].

Иван Иванович (как стали звать Жана Луи в России) был весьма востребован как рисовальщик и живописец. В Третьяковской галерее находится его «Портрет Марии Семеновны Бахметевой, рожд. кн. Львовой (1766–1839) за пальцами, с прислуживающим арапом» [14, с. 537]. В Государственном Русском музее хранится портрет И.И. Шувалова [15, с. 103, илл. 1594]³. А «Портретом графа Орловского Чесменского и князя Г.Г. Орлова» 1770-х гг. из Государственного исторического музея проиллюстрирована обложка книг, посвященных судьбе знаменитых братьев [43–44]. По рисункам Ж.-Л. Девельи выполнены портреты А.В. Олсуфьева (гравировал А.Я. Радиг), А.Б. Куракина (А.Я. Колпашников) [45, т. 2, стб. 1147, №3], Екатерины II, генерал-фельдмаршала Х.А. Миниха, графа Григория Григорьевича Орлова, гравированные художником Е.П. Чемесовым, а также портрет самого Евграфа Петровича, вырезанный им собственноручно, оригинал которого (согласно надписи на овале) «был рисован его приятелем И. Девелием» [47]. Иван Иванович как высокопрофессиональный рисовальщик был привлечен для графической фиксации торжественных мероприятий коронации Екатерины II [1, 33], и «легко и непринужденно зарисовал» московские достопримечательности [2, с. 238]. По утверждению А.Н. Бенуа, потолочный плафон в одном из залов Китайского дворца в г. Ломоносове также был расписан Ж.-Л. Девельи [5, с. 531].

К сожалению, нам неизвестно как выглядел Ж.-Л. Девельи, поскольку его яко-

³ Цветное воспроизведение см.: Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т. 1. СПб: Palace Edition, 1998. С. 85.

Жан Луи Девельи. Портрет графа Орловского Чесменского и князя Г.Г. Орлова. 1770-е гг. ГИМ

Вид Красной площади у Никольских ворот Кремля (гравюра по рис. Ж. Девельи и М. Махаева)

бы автопортрет (ГЭ), на котором живописец, одетый в карнавальный наряд, в берете с пером, отложив палитру и кисть, показывает зрителям написанный им портрет И.И. Шувалова, по обоснованному мнению М.А. Алексеевой, изображает не самого автора, а его хорошего знако-

мого и коллегу – П. Ротари в его мастерской [3, с. 26–27].

Таковы были три поколения франко-русского дворянского рода, отличавшиеся высокой культурой и близостью к искусству.

ОТКУДА ЧТО ВЗЯЛОСЬ

«Никакого упоминания о проклятии нет, но необычный вид надгробия не оставляет сомнений – дело здесь нечисто».

Е. Баженов

Стоит разобраться, откуда реально взялись самые необычные и страшные толки, связанные с надгробием Т. Девеллий. Понятно, что никакой реальной основы у них нет и быть не может, но зато вполне возможно проследить истоки их возникновения, моменты, подтолкнувшие пермских обывателей к нагромождению небылиц.

Ну, во-первых, эпоха... Первое упоминание легенды относится к 1892 г., когда семейное захоронение Девеллиев оказалось без присмотра, поскольку уже не было в живых членов семьи, которые могли бы ухаживать за могилами и объяснять смысл изображений на плите. Конец XIX в. – время, когда в России завершалась промышленная революция и разворачивалась существеннейшая культурная трансформация: переход от традиционного общества к индустриальному.

Роман о кровосмешении

О специфике вкусов широкой читательской публики России конца XIX в. можно судить по фрагменту воспоминаний М.А. Осоргина «Мне предстоял юридический факультет (отчасти в уступку желанию матери), но настоящая, мечтаемая дорога наметилась еще в седьмом классе, когда редактор петербургского журнала написал мне: «Милостивый государь, ваш рассказ принят и пойдет в ближайшем номере. С совершенным почтением...». В этом рассказе, о котором ничего не знал даже Володя, молодая девушка упала в воду и утонула, а ее отец сошел с ума и бегал с дикими возгласами по полям и лесам. В следующем рассказе предстояло матери зарубить топором своего ребенка, самой повеситься» [50, с. 18].

Впрочем, не только россиянам были присущи подобные вкусы. В романе В.В. Набокова «Дар» (1937) читаем: «Вообще, я бы завтра же бросил эту тяжкую, как головная боль, страну, – где все мне чуждо

и противно, где роман о кровосмешении ... считается венцом литературы...». Главный герой романа, Федор Годунов-Чердынцев, написал эти строки в июне 1929 г. в письме из Берлина в Париж к матери, подразумевая вышедший в том же году роман Леонарда Франка «Брат и сестра» (1929) [32, с. 525, 767]. Кстати, именно эту фразу, вырванную из литературного контекста, использовал в качестве эпитафии к собственному сочинению В.А. Широков.

Обвинения в блуде

В известном смысле сомнительную славу могиле «проклятой дочери» спровоцировало имя покойной. Дело в том, что в святцах есть три святых ей соименных.

Блаженная Таисия Египетская, память 10 мая по ст.ст. (23 мая по нов.ст.) [41, с. 71] жила в Египте в V в. н.э. После смерти богатых родителей она сначала вела благочестивую жизнь, занималась благотворительностью и помощью больным. Через некоторое время ее состояние истощилось и она познакомилась с некоторыми неблагонамеренными людьми и подпала под дурное влияние. Затем она раскаялась и вместе с аввой Иоанном Коловым отправилась в пустыню. Достигнув ночью пустыни, странники легли спать. А утром старец начал будить Таисию, но обнаружил, что она уже мертва.

Преподобная Таисия Египетская Фиваидская, память 8 октября по ст.ст. (21 октября по нов.ст.) [41, с. 155] родилась в конце III в. н.э. в Египте. С юных лет она предалась развратной жизни и стала блудницей. Однажды к ней обратился преп. Пафнутий Великий, и она, раскаявшись, решила коренным образом изменить свою жизнь. Таисия сожгла на площади свои сокровища, нажитые грехом, всенародно осудив прежний образ жизни. После этого она поступила в женский мо-

настырь и здесь три года подвизалась в затворе, горько оплакивая свои грехи. Скончалась преподобная Таисия около 340 г. н.э.

Мученица Таисия, память 22 марта по ст.ст. (4 апреля по нов.ст.), за твердое и смелое исповедание веры во Христа приняла мученическую смерть вместе со св. мч. Дросидой, дочерью царя Траяна, и с девами Аглаидой, Аполлинарией, Дарией и Мамфусой во II в. н.э. Однако чаще в святцах св. мч. Дросида поминается одна [41, с. 46] или просто «с девами», так что Таисия-мученица была не самой популярной святой.

Получается, что две из трех св. Таисий (ангелов небесных дочери пермского исправника) – раскаявшиеся блудницы, а именно за это якобы и была проклята дочь пермского исправника.

Внебрачная дочь

Покойная Таисия иногда называется «внебрачной дочерью исправника Александра Девеллия». Но опровержение этого утверждения содержится непосредственно на плите, где девочка записана под фамилией отца. Ведь известно, что в до-революционной России внебрачным детям отцовских фамилий не присваивали. Так, Александр Иванович Герцен – внебрачный сын русского дворянина И.А. Яковлева и немецкой мещанки Генриетты Луизы Гаг – получил вымышленную фамилию Герцен, т.е. сын сердца (от нем. Herz).

Похищаемая могила

Судя по данным В.В. Голубцова, могила Таисии Девеллей не была совсем одинокой. Рядом с ней были захоронены ее мать, отец, младший брат с двумя собственными детьми: их могилы образовывали, как часто бывало на русских кладбищах, семейное гнездо. Трудно представить себе, что целое семейство было похоронено таким образом, чтобы прохожие топтали их надгробия. Так что вопрос, почему могила Таисии Девеллий оказалась на пути посетителей кладбища, стоит переформулировать: когда подобное могло случиться?

Первую, еще деревянную церковь на Егошихинском кладбище освятили 10 декабря 1784 г. во имя Всех Святых на земле Российской просиявших [49, с. 24–25; 51, с. 2]. Через 13 лет на почетном месте около храмовой паперти была похоронена Таисия Девеллий – первая из своей семьи. В 1832 г. состоялась закладка каменной церкви на новом Егошихинском кладбище, которая в 1837 г. была освящена во имя Всех святых, а храм на старом кладбище был переименован в Успенский. В 40-х гг. XIX в. деревянная Успенская кладбищенская церковь была перестроена М.Г. Сведомским, сыном протоиерея Петропавловского собора Гавриила Сапожникова – первого летописца Перми [17, с. 196, 202]. В таком виде церковь просуществовала еще полстолетия, до начала XX в., после чего была разобрана. На ее месте 25 июня 1900 г. епископ Пермский и Соликамский Петр (Лосев) совершил закладку ныне действующего каменного храма в честь Успения Божией Матери [51, с. 2]. Новая церковь была построена благодаря усердным трудам ктитора пермского купца В.И. Королева и освящена 21 ноября 1905. г. епископом Никанором [6, с. 54; 31, с. 54–57].

Вот так и вышло, что за два века, прошедших с момента похорон Таисии Девеллий, сместился сам храм, а могила девочки оказалось практически на дорожке, проложенной к новой церковной паперти.

Масонский след

Первые подозрения на причастность масонов или влияние масонской идеологии на выбор символики надгробия сформулировал комментатор свердловского издания романа М.А. Осоргина «Времена»: «** Лестница, треугольник... – перечисляются знаки, символизирующие принадлежность усопшего к одной из масонских лож. Таким образом, можно судить, что захоронение сделано до 1792 г. – года запрещения масонства в России специальным указом Екатерины II». Несомненно, автору комментариев был известен факт участия М.А. Осоргина в масонском движении, хотя бы из его собственных

произведений [34]. Однако, как уже отмечали, речь в данном случае может идти не о реальных фактах, а о детском восприятии их пермским юношей.

Ю. Липатников в 1969 г. предположил наличие в Перми масонской ложи и оказался прав. В Перми, действительно, в конце XVIII в. недолгое время (с 24 июня по 20 сентября 1783 г.) действовала масонская ложа «Золотого ключа». Ю.М. Курочкин, первый исследователь документов пермской масонской ложи, в 1982 г. определил ее состав: «... 1783-го года июня 24 дня, в день праздника святого Иоанна, братья истинные, вольные каменщики Иван Иванович Панаев, Христиан Осипович Шталмеер, Лев Иванович Черкасов, Иван Данилович Шестаков, Петр Иванович Блохин, Иван Иванович Дубровин собрались в квартире высокопочтенного брата Панаева...», к ним присоединились «Карл Николаевич Бицов, Григорий Максимович Походяшин, Александр Яковлевич Павлуцкий, Иван Павлович Борнеман, Иван Иванович Черкасов, Франц Иванович Мигар и Семен Васильевич Яковлев». Отсутствовали, но выразили желание присоединиться Андрей Степанович Листовский и Семен Алексеевич Исаков». На следующем собрании (15 июля) в ложу были приняты Петр Алексеевич Бабановский и Иван Ульянович Ванслов [25].

Итак, в ложе состояли более полутора десятка человек, многие из которых и позднее продолжали служить в наместнической администрации. Когда А.И. Девеллий в 1790 г. перевелся в гражданскую службу в Пермь, то в Верхнем земском суде, куда он был направлен стряпчим гражданских дел, еще служил Христиан Осипович Шталмеер (Христиан Сталмейер), человек, указанный в протоколе об основании ложи «Золотого ключа» вторым после ее главы. Александр Иванович был, конечно же, знаком (пусть и не близко) с другими бывшими членами ложи. Надворный советник Иван Иванович Па-

наев (председатель) служил все так же губернским прокурором. Коллежский советник Иван Данилович Шестаков (4-е место в списке) служил советником в Наместническом правлении, коллежский асессор Иван Ульянович Ванслов председательствовал в Губернском магистрате [28, с. 252–259].

Было бы очень заманчиво связать отъезд А.И. Девеллия из столицы с репрессиями, начавшимися против соратника и вдохновителя пермских масонов и просветителей Н.И. Новикова, и объяснить его стремлением воссоединиться с единомышленниками, однако у нас нет ни одного аргумента в пользу подобного предположения. Нет даже доказательств масонских взглядов А.И. Девеллия. Х.О. Шталмеер, стряпчий в чине коллежского регистратора (XIV класс, ниже не было) вполне мог помочь молодому коллеге в служебных делах, но вряд ли мог серьезно влиять на мировоззрение отставного гвардейского капитана.

К тому же, в начале XIX в. быть масоном стало небезопасно. В ГАПК хранится дело «О доставлении подписок о непринадлежности к масонским ложам», датированное 1826 г., из которого становится известно, что когда в силу «состоявшегося 21 августа 1822 года Высочайшего рескрипта на имя управлявшего Министерством Внутренних Дел Графа Кочубея о закрытии всех тайных обществ в Государстве требованы были обязательства от военных и гражданских чинов, что они ни к каким тайным обществам более принадлежать не будут, с изъяснением в тех обязательствах какой именно масонской ложе или к какому другому тайному обществу кто из них принадлежал, тогда» в Перми «ни один из членов состоявших прежде в вышеписанных обстоятельствах не объявил о том в выданном от него обязательстве и многие вероятно тогда заключали, что они уже отстали от обществ или принадлежали оным без особенных клятв по одному обещанию» [9, л. 2 об.].

ПРАВИЛЬНОЕ ПРОЧТЕНИЕ

«Последняя четверть XVIII и первая XIX столетия по праву названы «золотым веком» русского искусства. Особое развитие приобрела в это время русская монументально-декоративная пластика. В синтезе с архитектурой она достигла совершеннейшей формы и небывалой образной силы».

«Каждый может лично увидеть могилу проклятой дочери в Перми по адресу: г. Пермь, ул. Тихая, 23»

Из интернета

Осталось лишь ответить на вопрос, почему же могильная плита Таисии Девеллий именно такая? Она разительно отличается от чугунных надгробий соседней кладбищу. Композиция памятника чрезвычайно проста и состоит всего лишь из двух (не считая надписи) элементов: змеи и «маски». Присмотримся внимательно к оригинальной намогильной плите...

... след подобный / Узору надписи надгробной / На непонятном языке

Разные авторы весьма по-разному прочитывали надпись на плите. А.П. Гайдар почему-то вместо 1807 года увидел 1812, а вместо Таисии – Анастасию. Если слово «проклятая» ему понадобилось выдумать для оправдания сюжета, то неясно, зачем нужно было изменять имя и дату смерти. Заодно заметим, что Аркадий Петрович также несколько преувеличил и вес плиты. Он как-то не посчитал, что 15 пудов это 240 кг, что неподъемно даже для двух-трех человек. Ю. Липатников не смог разобрать фамилию покойницы, стоявшую в родительном падеже – «Девеллия», а точнее, не опознал это слово как фамилию. Кроме того, он принял арабскую цифру «11» за римскую «II». Е. Баженов все цифры и имена разобрал, в принципе, верно, но надпись передал по правилам современной грамматики и стилистики.

Надпись же выполнена буквами первого варианта петровского гражданского алфавита, бытовавшего на протяжении всего лишь 1707–1708 гг., в котором звук я передавался буквой *юс малый*, предлог «от» передан соответствующей буквой-лигатурой – литера *t* над *омегой*. Хотя

текст и не скорописный, часть букв вынесена над строкой, сокращения помечены титлами и двоеточиями. Позволим себе привести здесь текст памятной надписи в аутентичном варианте. Выносные буквы внесены в строку и приведены в круглых скобках, титла раскрыты в квадратных скобках: «Пер(м)скаго исправника Девел(л)іа дочь Таісіа ѿ(т) роду 6 ле(т) 11 м[еся]цо(в) скончала[сь] ге(н)варя 24. д[ня]: 1807 года:».

Надпись размещена по кругу, внутри своеобразной рамы, которой служит знаменитая ныне змея, кусающая себя за хвост.

Змея

Свернувшаяся в кольцо змея порождала сильнейшие эмоции у посетителей пермского кладбища и многочисленные толки о проклятии, которое она, якобы, должна была символизировать. Однако, должна ли? Ведь подобное изображение не редкость, именно такая змея изображена на чугунном надгробии семейства Пучковых (перв. четв. XIX в.), находящемся в некрополе Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге [18, рис. 45]. Ужели там было проклято целое семейство? Вообще, змея (змеи) – символ амбивалентный: у разных народов в разные эпохи он мог означать мудрость, живучесть и бессмертие, целительную силу, плодородие, домашний очаг, мужское начало – с одной стороны, но и зло, коварство, двуличие, женское начало, дождь (воду) и смерть – с другой.

В эпоху Просвещения в России появился особый, ранее не существовавший, но в петровские времена востребованный

обществом, язык аллегорий и символов, посредством которых иносказательно формулировались наиболее актуальные идеи блестящего века. Наиболее известным российским справочником символики в XVIII в. была книга «Символы и Эмблемата...», изданная в 1705 г. по заказу Петра I в Амстердаме. Она содержала 840 рисунков-эмблем, отобранных из книг француза Даниэля де ла Фея (1691 и 1696 гг.), снабженных текстовыми пояснениями – «символами». Каждый «символ» прокомментирован на русском, латинском, французском, итальянском, испанском, голландском, английском и немецком языках. Эмблемы из книги широко использовались как образчики печаток, на фейерверках, изображались на праздничных транспарантах. На корме кораблей Азовской флотилии, получивших имена «Черепаша» и «Три рюмки» (соответственно № 161 и № 438 в издании 1705 г.), были вырезаны соответствующие фигуры. Книга выдержала несколько переизданий – в 1719, 1788, 1811 гг., поэтому, весьма вероятно, была знакома А.И. Девеллию.

Эмблема 615 этой книги представляет собой свернувшуюся в круг змею, глотающую свой хвост. Соответствующий ей «символ» гласит: «Een Slang met de stert in syn bek, d'eeuwigheid verbeeldende» (Змея, с хвостом во рту, изображающая вечность). Комментарии на девяти языках одинаковы, по-русски они звучат следующим образом: «Конец от начала происходит» [48, с. 206–207]. А эмблема 733 изображает Амура с луком и стрелой внутри свернувшейся змеи: «Cupido in een Eeuwigheidt» (дословно – Амур в вечности) или в русском комментарии: «Любовь есть вечна» [48, с. 246–247]. Это же значение подтверждается и современными справочниками. Так, по мнению В.В. Похлебкина: «Единственно допустимым изображением змеи без дополнительных атрибутов является эмблема вечности: змея, кусающая свой собственный хвост, – древнейший прообраз кольца, символа бесконечности, понятного и единого для всех народов Зем-

ли» [42, с. 164, 166].

И ничего о проклятии...

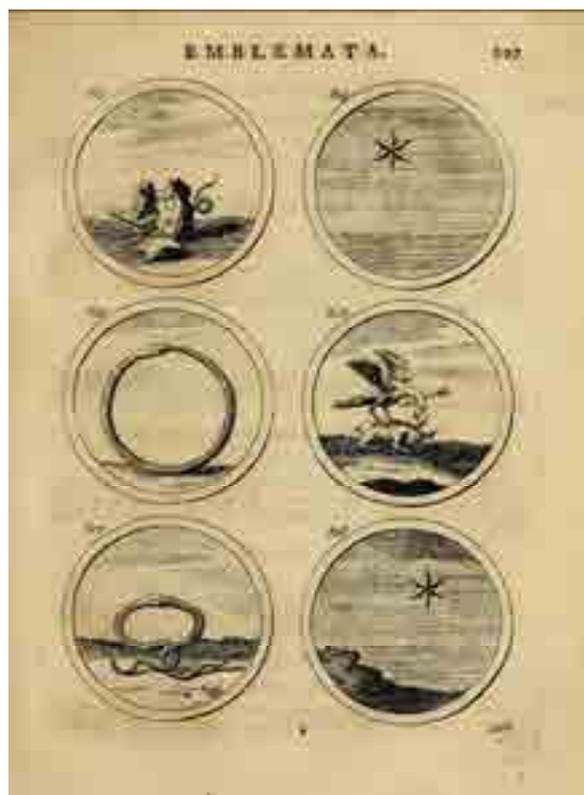
«Маска», «личина»

Собственно, никакого изображения (по край мере, рельефного) в центральной плоской части плиты нет. А есть четыре отверстия разной формы: два круглых, одно подтреугольное и одно в виде узкой щели. Не нужно обладать богатой фантазией, чтобы угадать в них нечто антропоморфное. Обычно это считается либо лицом, либо маской, но, заметим, что ни у маски, ни у лица не бывает провала на месте носа. Так что обе интерпретации необходимо признать неверными. А безносой, как известно, бывает смерть, и на надгробиях обычно изображают ее символ – «адамову голову» – череп Адама, предка всех людей, живущих на земле. Согласно православному учению, кровь Христа омыла по промыслу Божьему череп Адама и в его лице все человечество от греховной скверны, даровав этим возможность спасения. Таким образом, глава Адама имеет символическое значение освобождения от смерти и спасения в христианском смысле.

Итак, всего два символа на чугунной плите – вечности и спасения – но оба были считаны превратно, как символы греха, смерти и опасности.

«Чистейшей прелести чистейший образец...»

И, как это ни странно, никто до сих пор даже не пробовал проанализировать надгробие Таисии Девеллий как произведение искусства, каковым этот предмет литой мемориальной пластики, собственно, и является. Гармоничная строгость линий, простота и законченность композиции, характерные для искусства классицизма – все это присуще чугунной плите с пермского кладбища. Концентричные круги свернувшейся змеи и закольцованной надписи концентрируют внимание зрителя на переносице адамовой главы, сталкивая его таким образом лицом к лицу со смертью. Круглая форма чугунного надгробия предопределена не только и даже не столько требованиями закончен-

Страницы книги «Символы и Емблемата...» (Амстердам, 1705)

ности композиции. Маленькую детскую могилу неуместно было бы накрывать массивной прямоугольной плитой, а пропорционально уменьшенное надгробие

выглядело бы просто мизерным. Идеальным решением был бы выбор равносторонней фигуры, одновременно негромоздкой и представительной.

При возвращении плиты обратно из музея на Егошихинское кладбище был допущен ряд ошибок. Во-первых, плита положена не на свое место, далеко от дорожки, ведущей к паперти Успенской церкви, и теперь она не отмечает реально могилу дочери пермского исправника. Во-вторых, на новом месте возведен целый мемориал: чугунная оградка, внутри которой устроен бетонный подиум, на который и помещена, словно экспонат, могильная плита. Бесмысленность и неуместность такого решения особенно заметны после дождя, когда в более низкой центральной части барельефа скапливается вода, превращая надгробие в лужу. Первоначально же плита уклады-

валась непосредственно на землю, и дождевые воды стекали в землю через глазницы черепа и провал носа, оставляя внутреннюю поверхность памятника сухой. Отверстия, из которых складывался художественный образ, служили еще и дренажными отверстиями. Можно догадаться, что сквозь них неизбежно пробивалась трава, словно подчеркивая всепобеждающую силу жизни.

Перед нами чрезвычайно выразительное и, одновременно, очень трогательное произведение мемориальной пластики. Родители, обожавшие свою дочь, нашли чрезвычайно красноречивый способ выразить свою бесконечную любовь и скорбь утраты.

Надгробие Т. Девелий на Егошихинском кладбище

Библиографический список

1. *Алексеева М.А.* Жан Луи Девельи, его помощник Михайло Махаев и Стефано Торелли: «Коронация Екатерины II в Успенском соборе» // Страницы истории отечественного искусства. X–XX век. Вып. III. – СПб.: ГРМ, 1997. С. 27–35.
2. *Алексеева М.А.* Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в. Изданные и неизданные альбомы // Вспомогательные исторические дисциплины. – СПб., 1998. Т. XXVI. С. 232–240.
3. *Алексеева М.А.* Художник Жан-Луи Девельи (1730–1804) // Вопросы теории и истории русского искусства второй половины XVIII в. // Сб. науч. тр. – СПб., 1997. С. 23–35.
4. *Баженов Е.* «Проклятая» могила // Пермские новости. 2009, 17 апр.
5. *Бенуа А.* Мои воспоминания. Т.2. М., 1990.
6. *Верхоланцев В.С.* Летопись города Перми с 1890 по 1912 г. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 год. – Пермь, 1913.
7. *Гайдар А.П.* Проклятая дочь // Звезда (Пермь). 1927, 26 нояб.
8. *Гайдар А.П.* Проклятая дочь // Наука и религия. – 1969. – №6. – С. 95.
9. ГАПК. Ф.297. Оп.2. Д.929. Л. 2 об.

10. ГАПК. Ф.297. Оп.1. Д.1046. Л. 1.
11. *Гладышев В.Ф.* Над Стиксом. Пермская эпитафия. – Пермь, 2000.
12. *Гладышев В.Ф.* Пермский Некрополь: знаки памяти в мемориальной пластике. – Пермь, 2005.
13. *Голубцов В.В.* Пермский некрополь. – Пермь, 2002.
14. Государственная Третьяковская галерея. Каталог живописи XVIII–начала XX века (до 1917 года). – М., 1984.
15. Государственный Русский музей. Живопись. XVIII – начало XX века. Каталог. – Л., 1980.
16. Государственный Русский музей. Живопись. XVIII век. Каталог. Т.1. – СПб., 1998.
17. *Дмитриев А.А.* Очерки из истории губернского города Перми. – Пермь, 1889.
18. *Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф.* Русская мемориальная скульптура. К истории художественного надгробия в России XI–XX вв. – М., 1978.
19. История всемирной литературы. Т.5. М., 1988.
20. *Калистратова Т.* Темная сторона России. М.: Астрель, 2012.
21. *Кириченко Е.И.* Меценат. Предстатель муз. И.И. Шувалов в истории российской культуры // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы: Сб. статей. Вып. 9: Из истории Императорской Академии художеств. – М., 2005. С. 6–24.
22. *Коновалов Э.Г.* Новый полный биографический словарь русских художников. – М.: Эксмо, 2008.
23. Крашенинников Аверир Донатович // Писатели Пермской области. Биобиблиографический справочник. – Пермь, 1985. С. 62–63.
24. *Крашенинников А.Д.* Затишье: Роман. – Пермь, 1969.
25. *Курочкин Ю.М.* Под знаком Золотого ключа // Ю.М. Курочкин Уральские находки. – Свердловск, 1982. С. 22–48.
26. *Липатников Ю.* Памятник-гнев? // Вечерняя Пермь. 1969, 26 сент.
27. МВД России. Энциклопедия. – М., 2002.
28. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1790. – С.-Петербург: Императорская академия наук, 1790.
29. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1802. – С.-Петербург: Императорская академия наук, 1802.
30. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от рождества Христова 1803. – С.-Петербург: Императорская академия наук, 1803.
31. Монастыри, церкви и часовни г. Перми. / Комитет по делам архивов Перм. обл.; Гос. архив Перм. обл.; сост. *О.А. Мельчакова, О.С. Одинова, Н.В. Пенягина, Д.А. Лобанова.* – Пермь, 2002.
32. *Набоков В.В.* Дар // Собр. соч. русского периода в 5 т. Т.4. – СПб., 2002.
33. обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в императорскую древнюю резиденцию, богоспасаемый град Москву, и освященнейшего коронования Ее Августейшего Величества Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыни Императрицы Екатерины Второй, Самодержицы Всероссийской, матери и избавительницы отечества; еже происходило вшествие 13, коронование 22 сентября 1762 года. Б/м., б/г. [1827–1830].
34. *Осоргин М.А.* Вольный каменщик. – М., 1992.
35. *Осоргин М.А.* Времена: Автобиографическое повествование. Романы. – М., 1989.
36. *Осоргин М.А.* Времена: Романы и автобиографическое повествование. – Свердловск, 1992.
37. *Осоргин М.А.* Мемуарная проза. – Пермь, 1992.
38. Памятная книжка Пермской губернии на 1863 г. – Пермь, 1862.
39. ПКМ 16077.
40. *Подвинцева Е.* Тайны Егошихинского кладбища // Комсомольская правда в Перми. 2007. 16 нояб.
41. Полный христианский месяцеслов всех святых. – М., 1818.
42. *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. 3-е изд. – М., 2001.
43. *Полушкин Л.П.* Орлы императрицы. – М.: Вече, 2011.
44. *Разумовская Е.* Братья Орловы. – Ростов н/Д: Феникс, 2011.
45. *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т.2. – СПб., 1886–1889.
46. Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. Т. 3. П–Я. – М., 2005. С.720-722.
47. Русский гравер Чемесов. – СПб., 1878.
48. Символы и Эмблемата указом и благоповедении Его Освященного Величества, Высокодержавнейшего и Пресветлейшего Императора Московского, Государя Царя, и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России, и иных Многих Держав и Государств и Земель Восточных, Западных и Северных самодержца, и Высочайшего монархи напечатаны. – Амстердам, 1705.
49. *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. – Пермь, 1998.
50. Уральский следопыт. – 1989. №2.

51. Успенская церковь на старом кладбище // Из истории православных храмов г. Перми: Комплект буклетов. – Пермь, 2000.
52. Юзефович Л.А. Клуб «Эсперо». – М., 1990.
53. Юзефович Л.А. Казароза. – М., 2002.

**THE LEGEND OF THE TOMB OF THE CURSED DAUGHTER:
WHERE DID IT ALL COME FROM?**

P.A. Korchagin

Perm scientific center RAS UD

Since the late nineteenth century the urban legend about the cursed daughter has been known in Perm and associated with a cast-iron gravestone of a peculiar form situated on the Old Yegoshikha Cemetery. The gravestone has been repeatedly described in the works of A.P. Gaidar, M.A. Osorgin, A.D. Krashennikov and numerous newspaper articles. There is "Adam's head" depicted on Taisia Deville's (1800–1807) gravestone inscribed in a peculiar kind of frame – a snake biting its own tail. Perhaps the wrong interpretation of the symbols of eternity and salvation as symbols of sin, death and danger led to the emergence of stories about the Perm district police officer who cursed his daughter and the fruit of her unrequited love. The father of little Taisia, Alexander Ivanovich Deville, was in fact an educated Perm official at the turn of XVIII–XIX centuries, and her grandfather Jean-Louis de Velly, a famous French artist in the Russian service, was at the forefront of the Academy of Arts. Taisia Deville's tombstone is an original work of Russian memorial sculpture in classical style.

Keywords: Perm, Old Yegoshikha Cemetery, de Velly family, gravestone, «the cursed daughter», urban mythology, memorial plastic sculpture.

Сведения об авторе

Корчагин Павел Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Пермский научный центр УрО РАН (ПНЦ УрО РАН), 614013, г. Пермь, ул. Ленина, 13А; e-mail: pakorchagin@gmail.com

Материал поступил в редакцию 01.06.2014 г.